ЛИРЕНЬ

Н. Асеев
Е. Гуро
В. Маяковский
Б. Пастернак
Г. Петников
В. Хлебников

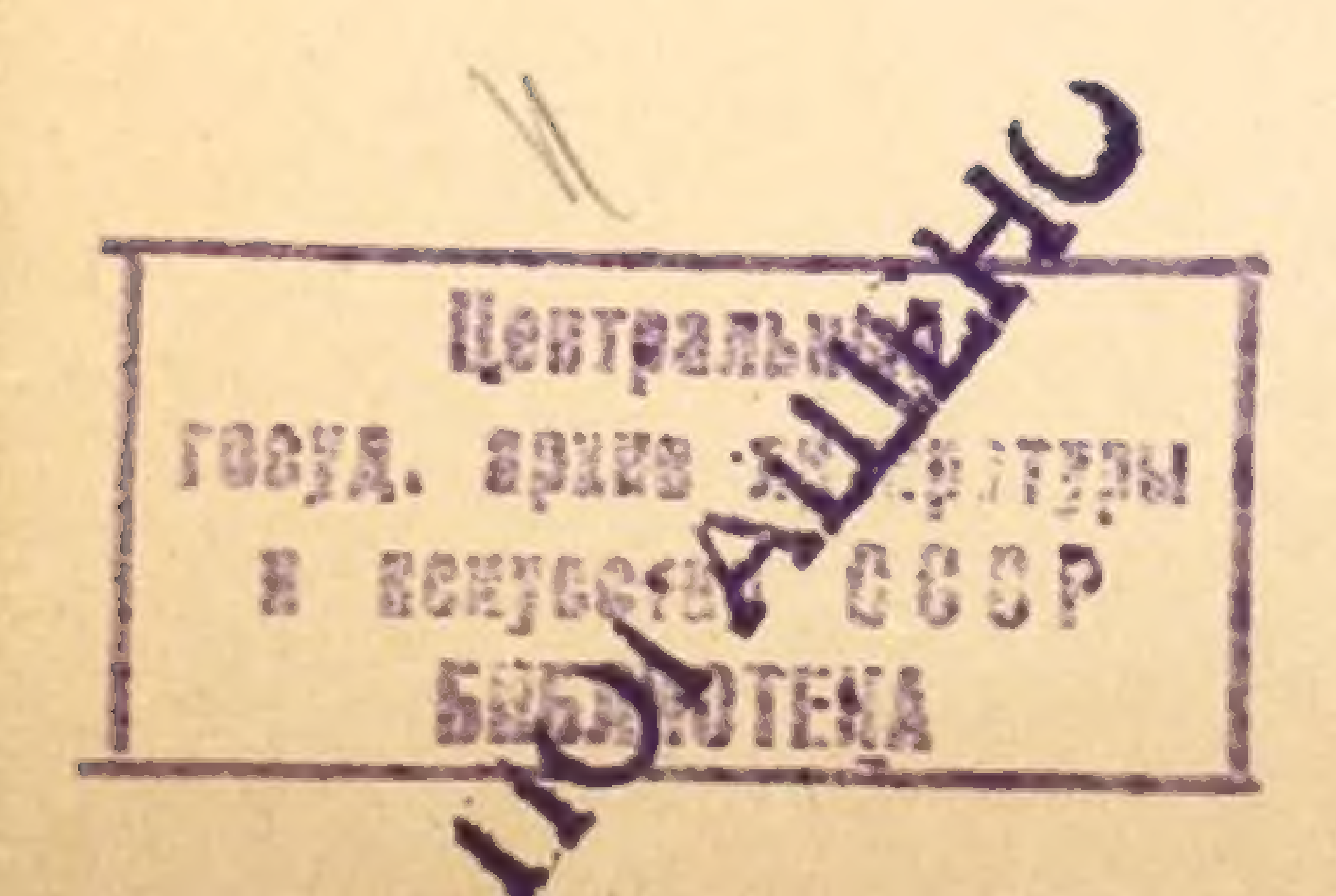
оик

4й фут,

ЛИРЕНЬ

Н. Асеев
Е. Гуро
В. Маяковский
Б. Пастернак
Г. Петников
В. Хлебников

1920

ОИК

ЕЛЕНА ГУРО.

* * *

Доктор Пачини вошел в хлеб и кормил людей приходивших из размалеванных вывесками улиц. Потом он вошел в интелигентное сияющее стекло двери.

И пока он был комодом и переживал новизну улицы весны и ветерка и талого снега.

И он стал белой башней. Розовые лучи грели его бока, точно вся весна льется в эти ворота.

— А мне ни чем сегодня не пришлось быть, кроме черного блестящего сапога.

* *
*

— Вы недовольны жизнью?

— Жизнь для меня узка. Везде заборчики, да решетки понагорожены, душно, темно.

— Свету хочу яркого, воли,—а нет воли и света солнечного, так пожара хочу, чтобы все заборчики да курятники человечьи позагорелись.

— Гм!.. и с теми пожалуй, кто живет в них,—а кто будет новое на место строить—Вы?

А без курятников новая жизнь обойдется.

Ефим № 6.—Этот господин хочет обойтись без людей, без построек, без заборов и цивилизации.

— Мы вам поможем в этом.

Новый пациент говорит, что ему узко и напротив курятник.

Мы боимся, что припадок возобновится.

Пациент № 5. Опять уверяет, что гиацинты на клумбе—цветы его жены и плачет.

— Пересадите его против курятника, а № 6 против гиацинтов, т.-е. против пожара.

Сторож в недоумении.

— Ну да, т.-е. вообще против гиацинтов, а того поближе к курятнику.

— Ах сударь, но ведь ее нельзя было спросить,—у нее сломана шея.

— Сломана шея? Но это значит было плохо устроено.

— Плохо устроено?

— Ну да, в противном случае, это на самом деле очень освежает, и заставляет вас чутствовать себя высоко над прочими людьми и обстоятельствами.

— Мы очевидно не понимаем друг друга.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ.

„ВОЙНА“

СЛОВОПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

(ОТРЫВКИ).

„И разом, сарматские реки
Свиваясь холодной дугой,
Закрыли ледяные веки
И берег явили нагой“...

I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Едут полководцы. Впереди Архангел. Петр Великий на дородном, рыжем коне упершись рукою в колено. Горнисты играют поход. дороги извиваются под копытами коней как змеи. Разступающиеся горы отражают звуки музыки и ржанье городов. бегущих по сторонам войск. Медленно.

Трубы:
вздыхают.

Вдоль по небу выкован Данте
Но небу во веки не сбросить
На марша глухое andante
Одёжь его красную проседь.

Флейта
одиноко взлетает вверх.

Чужое гремящее слово!
Чужое суровое имя!
Здесь где кругозор не изломан
Все крючьями рвите кривыми.

Города набегают и смешиваются с войском. Общее медленное движение вперед. Музыка.

И в свивах растерзанных линий
Запела щемящая давка
Как тысячеструнных румыний
Сердец, покачнувшихся навкось!

То взора томителен промах.
То сердце отгрянувши ухнет.
А сколько отпущено грома
В замок запираемой кухни!

И—неба похитивших лужиц
Зубенками жалко проляскав,
Как глаз закатившийся, ужас.
Дрожит где-то шумною пляской.

Жители перепутались с солдатами. Установлены патрули. Общее упорное движение продолжается. Флейты визжат предостерегающе.

Кто прямо пройдет через площадь
Под улиц скрипичный пытки—
Кидайся в лицо ему роща
И пулями глаз его вытки.

Мелодия повышается секвенциями. Их лестница достигает вершин гор.

Упали осенние травы
Пугливого конского храпа
И, ранена, Русская Рава
Качает разбитою лапой.

По ней тяжело грохоча взбирается рыжий конь. Паника крики: Чудо! Чудо!

Полков почерневшая копоть
Обвешала горные тропы:
Им любо, им бешено топать
В обмерзшия уши Европы.

ПАУЗА.

Архангел. Петр В. на вершине; как бы смотр уходящим войскам. Простирает руку.

Крик флейты:

Но разве я думал, но разве
Мне нужно. чтоб в пламенном теле
В раскрытой пылающей язве
Персты мои похолодели?

В молчании блещут штыки проходящих солдат. Архангел поднял трубу, возвещая Рождество. Города застыли строениями. Шум, снег, предпраздничная суета.

Театр военных действий. Окопы. Реки. Пушки. Дым застит окрестность. Сумасшедший поручик с саблей наголо и биноклем из двух пушек у глаз. По временам засовывает руку в карман и бросается вдаль горстями солдат.

Сумасшедший поручик.

Я был певцом и ученым,
Исследовал мирные дремы сил
Теперь я солдат и занят созвучьями
грохота
Здесь страх нам щекочет каждый едва народившийся помысел
И он умирает ребенком в дыму задыхаясь
хохота.

И если забыты шестые чувства
За дней стекляшками тусклыми—
Вы будете знать одно лишь искусство:
Вцепиться в землю всеми мускулами.

А высадив судеб оконницы
На край крутой вселенской пропасти
Мы тащим, тащим миров покойницу
За бронированные лопасти.

Не здесь ли сладко пахнет порох
И—десять солнц в небесной зыби
И лакомо скользят на взорах
Сверкающие сталью голуби?

Останавливается, ожидая ответа. Канонада. В изступлении бросается вниз с окопа. На минуту останавливается, указывая саблей на поле.

Смотрите: все слова осумашедшевили
Прикинулись мертвыми, но крикнули вдруг:
Ура!
И мы из боя отошед шевелили
Изломанные кивера!

Падает; убит. На место его прапорщик, со знаменем. Влезает на окоп штатский господин как ящерица. Наклоняетея над поручиком. Трясет его за плечи.

Штатский господин.

Позвольте! Эй вы! Да ведь сами же вы!
Слышите! Канта и Гегеля?
А теперь от ужаса замшевый
Валитесь как мертвая кегля!

И вообще, что вы можете пред'явить умирая
Кроме паспорта и манжет?
Или вы может быть о кущах рая
Мечтаете тайком, как подобает ханже?

Пусть он сказал: «Мы будем оба там!»
Но каменный кремль ваш—игрушка
Его любая сдунет хоботом
Благовоспитанная пушка!

Право же пора изменить понятия
И занятия эти
И откуда у вас радость рокота
Какой живучий!
Я ведь, собственно доктор.

Мертвый патриотический поручик.

Не мучай!
Неужели в домах за хатами
В колясках, в песнях, на постелях
Не снова стали все солдатами
Одним ружьем в потемки целя.

Штатский.	Да что вы! Право же вы в пафосе. Говорите как собственный корреспондент По вашему теперь не правы все Должны были таскать повсюду Гражданских чувств сырую груду.

Т а н ц у е т.

„Там стороны света—все те же четыре
Одежды и ветры—все те-же, все те-же
Под выгибы танца, под ропот псалтари
Вы будете сниться все реже и реже.

Мертвый поручик.	Когда как камень летит Россия Не помнить чести, не мерять мести Да что ж сильнее и что красивей Когда как камень летит Россия!
Штатский господин.	Ну вот, ну вот у вас разжижение крови Надо ее ссыворотить Полно усы воротить И хмурить брови.

Ланцетом вскрывает артерии. Пробует капельку на язык, недовольно крутит головой, чихает.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ.

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче. (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 40 верст по Ярославской ж. д.).

В сто сорок солнц закат пылал
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла—
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы—
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею—
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускал сь солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И, день за днем,
ужасно злить,
меня
вот это
стало.
И, так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло
в упор я крикнул солнцу:

„Слазь!
довольно шляться в пекло!“
Я крикнул солнцу:
„Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут—не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!
Я крикнул солнцу:
„Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела, заходить
ко мне
на чай зашло бы“.
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч—шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать—
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось,
дух переведя,
заговорило басом:
„Гоню обратно я огни,
впервые с сотворенья,
ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенье!
Слеза из глаз у самого—
жара с ума сводила,

но я ему—
на самовар:
„Ну что-ж,
садись, светило!“
Чорт дернул дерзости мои
орать ему—
сконфужен
я сел на уголок скамьи,
боюсь—не вышло-б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась—
и степенность
забыв—
сижу, разговорясь
с светилом, постепенно.
Про то.
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
„Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй!
а вот идешь—
взялось идти,
идешь—и светишь в оба!“
Болтали так до темноты—
до бывшей ночи, то-есть.
Какая тьма уж тут!
на ты
мы с ним, совсем освоясь.
И скоро
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
„Ты да я,

нас, товарищ, двое!
Пойдем поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
я буду солнце лить свое,
а ты—свое,
стихами".
Стена теней,
ночей тюрьма,
под солнц двустволкой пала
стихов и света кутерьма—
сияй, во что попало!
Устанет то,—
и хочет ночь
прилечь—
тупая сонница.
Вдруг—я
во всю светаю мочь—
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить—
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой—
И солнца!

ОТНОШЕНИЕ К БАРЫШНЕ.

Этот вечер решал—
не в любовники выйти-ль нам?
темно,
никто не увидит нас.
Я наклонился действительно,
и действительно
я
наклонясь
сказал ей.
как добрый родитель:
„Страсти крут обрыв—
будьте добры
отойдите.
Отойдите.
будьте добры.

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ.

Молнию метнула глазами:
„Я видела—
с тобой другая,
ты самый низкий,
ты подлый самый“.—
И пошла,
и пошла,
и пошла, ругая.
Я ученый малый, милая,
громыханья оставьте Ваши.
если молния меня не убила—
то гром мне
ей-богу не страшен.

БОРИС ПАСТЕРНАК.

ГОРОД.

ОТРЫВКИ Ц. ЛОГО.

Уже за версту
В капиллярах ненастья и вереск.
Густ и солон тобою туман.
Ты горишь, как лиман,
Обжигая пространства, как пéресыпь,
        Огневой солончак
        Растекающихся по стеклу
        Фонарей. Каланча,
        Пронизавшая заревом мглу.

Навстречу, по зареву, от города, как от моря
По воздуху мчатся огромные рощи,
Это—галки; это—крыши, кресты и сады и подворья
Это—галки,
        О ближе и ближе; выше и выше.
        Мимо, мимо проносятся, каркая, мощно, как мачты,
                                        за поезд, к Подольску.
                Бушуют и ропщут.
Это вещие, голые ветки, божась чердаками,
                Вылетают на тучу.
Это—черной божбою
Над тобой бьется пригород Тмутараканью
        В падучей.
Это—„Бесы" „Подросток" и „Бедные Люди"
Это—Крымские бани, татары, слободки, Сибирь и бессудье
Это—стаи ворон.—И скворешницы в лапах суков
Подымают модели предместий с издельями
                Гробовщиков.

Уносятся шпалы, рыдая.
Листвой встрепенувшейся свист замутив,
Скользит, задевая краями за ивы
Захлебывающийся локомотив.
Считайте места!—Пора, Пора.
Окрестности взяты на буфера.
Стекло в слезах. Огни. Глаза,
Народу, народу!—Сопят тормаза.

Где-то с шумом падает вода.
Как в платок боготворимой, где-то
Дышут ночью тучи, провода,
Дышут зданья, дышет гром и лето.

Где то с ливнем борется трамвай.
Где то снится каменным метопам
Лошадьми срываемый со свай
Громовержец, правящий потопом.

Где то с шумом падает вода.
Где то театр музеем заподозрен.
Где то реют молний повода.
Где то рвутся каменные ноздри.

Где то ночь весь ливень расструив,
Носится с уже погибшим планом:
Что ни вспышка,—в тучах, меж руин
Пред галлюцинанткой—Геркуланум.

Громом дрожек, с аркады вокзала
На границе безграмотных рощ
Ты развернут, Роман Небывалый,
Сочиненный осенью, в дождь,
Фонарями бульваров, книга
О страдающей в бельэтажах
Сандрильоне всех зол, с интригой
Безсословной слуги в госпожах.

Бовари! Без нее б бакалее
Не пылать за стеклом зеленной.
Не вминался б в суглинок аллеи
Холод мокрых вечерен весной.

Не вперялись бы от ожиданья
Темноты, в пустоте rendez-vous
Оловянные птицы и зданья,
Без нее не знобило б траву.

Колокольня лекарствами с ложки
По Посту не поила бы верб,
И Страстною, по лужам дорожки
Не дрожал гимназический герб.

Я опасаюсь, небеса
Как их, ведут меня к тем самым
Жилым и скользким корпусам,
Где стены—с тенью Мопассана,

Где за болтами жив Бальзак,
Где стали предсказаньем шкапа,
Годами в форточку вползав,
Гнилой декабрь и жуткий запад,

Как неудавшийся пасьянс,
Как выпад карты неминучей.
Honi soit qui mal y pense
Нас только ангел мог измучить.

В углах улыбки, на щеке,
На прядях—алая прохлада,
Пушатся уши и жакет
Перчатки—пара шоколадок.

В коленях—шелест тупиков,
Тех тупиков, где от проходок
От ветра, метел и пинков
Шуршащий лист вкушает отдых,

Где горизонт, как рубикон,
Где сквозь агонию громленой
Рябины, в дождь, бегут бегом
Свистки и тучи и вагоны.

1916. Тихие Горы.

ЗАМЕСТИТЕЛЬНИЦА.

Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет,
У которой суставы в запястьях хрустят,
Той, что пальцы ломает и бросить не хочет,
У которой гостят и гостят, и грустят,
Что от треска колод, от бравады Ракочи,
От стекляшек в гостинной, от стекла и гостей
По пьянино в огне пробежится и вскочит
От розеток, костяшек и роз и костей,
Чтоб прическу ослабив, и чайный и шалый
Зачаженный бутон заколов за кушак,
Провальсировать к славе, шутя полушалок
Закусивши как муку и еле дыша,
Чтобы комкая корку рукой, мандарина
Холодящие дольки глотать, торопясь
В опоясанный люстрою, позади, за гардиной
Зал, испариной вальса запахший опять,

Так сел бы вихрь, чтоб на пари
Порыв паров в пути,
И мглу, и иглы, как мюрид
Не жмуря глаз снести,
И о‘явить, что не скакун,
Не шалый шопот гор,
Но эти розы на боку
Несут во весь опор.
Не он, не он, не шопот гор,
Не он, не топ подков,
Но только то, но только то,
Что—стянута платком,
И только то, что тюль и ток,
Душа, кушак и в такт
Смерчу умчавшийся носок
Несут, шумя в мечтах
Им, им;—и от души смеша,
И до упаду, в лоск
На зависть мчащимся мешкам
До слез. До слез.

1917.

ГРИГОРИЙ ПЕТНИКОВ.

ГРОЗА.

Откуда взявшейся грозы
Предвестьем воздух переполнен,
Ее изменчивый язык
В снопах разоруженных молний.

Вон вылилась и залегла
На топотах весенней конницы,
То мгла каурая паслась
В дремучей облакони солнца.

Владеющий оружием бурь
Любой исполосован молнией,
И проясневший изумруд
Уже клюют литые голуби.

И где начало тучных пущ,
Подгромок сбился в синих пряслах
И дождь завечерев за тучей
Упавшей в облачные ясли,

Вдруг заблестит в повязке веток
Сырую выжавши лазурь,
И легкие вскружают лета
Стрекозы в радужном глазу.

УТРО. ПИСЬМО.

Твоих речей младое дивованье,
Как радонеж волхвующей косы
И в том разлоге золотое раянье
По осияни осени и отблескам росы.

Калмыцких скул жестокий дивий очерк,
Какою радугой косого взора речь,
Какой крутоворот, разлог и туча
Сомкнувшихся как своды плеч

О этот очерк давний дан мне в помощь.
Твоей улыбке он залег
И вот—он говорит с дождевых поймищ
Что он обрызган свежею строфой.

Ты кличешь ли меня,
Волнуя в сонной смоли,
Твоих волос целованную прядь,
Дивунья милая! вечор тобою пролит
Певучий серп краснополянских гряд.

РАДА ГОР.

Ты победишь ее немое постоянство
На пьяной пене вставших хмар,
Железный март! Отбушевавших странствий
У рады гор зеленый шумный жар.

О, правда ли, в взлетевшей дрожи
Явитель облачной ладьи
Весне воображенный дождь
Из вещей свежести склонить

Размытый быт, ее немые гряды,
Чтоб эти виденья ты воплотила в'явь
И вот они опять заволновались радой,
О, лунный лог расположен ко сну.

Как ты блеснешь, коснешься скрытой сини.
Как я, что в этот сонный снег
Расколдовал неразлучимых иней
Твоих ресниц пушистый вешний мех

Явись опять, черпни тенистой выси
Или взойди на сумерки наложницы своей,
О, лето лёт! земной весны отныне
Благовестят падумчивые пчелы дней.

* * *

Весна, как тленье тяжких мет
Пролила сок сладеющей печали
И потекли по солнечной лесе́
Лучи бесед над кипенью причала.

О ветропад! упасть кустом овсеня
На пасеку встревожившейся дремы,
Что это – хор?—иль синевы за вознесенье
Бушуют паперти набатами черемух...

И день златолитой не мог
Провесть черты испепеленной веры
И солнца огруженный стог
Связать лучем в затравок ржавой прели.

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ.

Вы пили теплое дыхание голубки
И вся смеясь вы наглецом его назвали
А он—вложил горбатый клюв в накрашенные губки
И трепеща крылом, считал вас голубем? едва ли!
И стая иволог летела на тело
Как треугольник зорь
Скрывая письмами бровей
Зеркала утренних морей
И низко падали как пение царей.
За их сияющей соломой
Как воздуха погоды золотой
Порою вздрагивал знакомый
Холма на землю лет крутой.
И голубя малиновые шлапки
В ея прическе утопали.
Он прилетел осене зябкий
Он у товарищей в опале.

ВИЛА И ЛЕШИЙ.

И черный рак на белом блюде
Поймал колосья синей ржи
И разговоры о простуде
О море праздности и лжи.
Но вот нечаянный звонок
„Мы погибоша аки обре"
Как Цезарь некогда до ног
Закройся занавесью! добре!
Умри родной мой. Взоры если
Тебя внимательно укроют,
Ты скажешь развалясь на кресле,
„Я тот, кого не безпокоят!"

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ.

Наша основа.

§ 1. Словотворчество.

Если Вы находитесь в роще, Вы видите дубы, сосны, ели, сосны с холодным темным синеватым отливом, красная радость еловых шишек, голубое серебро березовой чащи там, вдали.

Но все это разнообразие листвы, стволов, веток создано горстью почти неотличимых друг от друга зерен. Весь лес в будущем поместится у Вас на ладони. Словотворчество учит, что все разнообразие слова исходит от основных звуков азбуки, заменяющих семена слова. Из этих исходных точек строится слово, и новый сеятель языков может просто наполнить ладонь 28 звуками азбуки, зернами языка. Если у Вас есть водород и кислород, Вы сможете заполнить водой сухое дно моря и пустые русла рек.

Вся полнота языка должна быть разложена на основные единицы „азбучных истин" и тогда для звуко—веществ может быть построено что-то вроде закона Менделеева или закона Мозелея—последней вершины химической мысли. Общественные деятели вряд ли учитывали тот вред, который наносится неудачно построенным словом.

Это потому, что нет счетоводных книг расходования

народного разума. И нет путейцев языка. Как часто дух языка допускает прямое слово, простую перемену согласного звука в уже существующем слове, но вместо него весь народ пользуется сложным и ломким описательным выражением и увеличивает растрату мирового разума временем, отданным на раздумье. Кто из Москвы в Киев поедет через Нью-Йорк? А какая строчка современного книжного языка свободна от таких путешествий? Это потому, что нет науки словотворчества.

Если-б оказалось, что законы простых тел азбуки одинаковы для семьи языков, то для всей этой семьи народов можно было бы построить новый мировой язык — поезд с зеркалами слов Нью-Йорк—Москва.

Если имеем две соседние долины с стеной гор между ними, путник может или взорвать эту гряду гор, или начать долгий окружный путь. Словотворчество и есть взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка.

• Заменив в старом слове один звук другим, мы сразу создаем путь из одной долины языка в другую и как путейцы полагаем пути сообщения в стране слов через хребты языкового молчания.

„Лысый язык“ покрывает всходами свои поляны. Слово делится на чистое и на бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Это потому, что какое-нибудь одно бытовое значение слова так же закрывает все остальные его значения, как днем исчезают все светила звездной ночи. Но для небовела солнце такая же пылинка, как и все остальные звезды

И это простой быт, это случай, что мы находимся именно около данного солнца. И солнце ничем не отличается от других звезд. Отделяясь от бытового языка,

самовитое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращения солнца кругом земли. Самовитое слово отрешается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки. Так слово „зиры" значит и звезды, и глаз; слово—„зень" и глаз, и землю. Но что общего между глазом и землей? Значит это слово означает не человеческий глаз, не землю, населенную человеком, а что-то третье. И это третье потонуло в бытовом значении слова одном из возможных, но самом близком к человеку. Может быть „зень" значило зеркальный прибор, отражающий площадь. Или взять два слова „ладья" и „ладонь". Звездное, выступающее при свете сумерок, значение этого слова: расширенная поверхность, в которую опирается путь силы; как копье ударившее в латы.

Таким образом ночь быта позволяет видеть слабые значения слов, похожие на слабые видения ночи. Можно сказать, что бытовый язык—тени великих законов чистого слова, упавшие на неровную поверхность. Когда-то языки об'единяли людей. Перенесемся в каменный век. Ночь, костры, работа черными каменными молотками.

Вдруг шаги; все бросились к оружию и замерли в угрожающих осанках. Но вот из темноты донеслось знакомое имя и сразу стало ясно, идут свои. „Свои"!—доносится из темноты с каждым словом общего языка. Язык так же соединял, как знакомый голос. Оружие признак трусости. Если углубляться в него, то окажется, что оружие есть добавочный словарь для говорящих на другом языке—карманный словарь.

Как устрашающие одежды для иноплеменников, языки заслуживают участи тигров в захолустном зверинце,

кон, собрав достаточно возгласов удивления обмениваются впечатлениями дня: — „а что Вы думаете?— "Я получаю два рубля в сутки!" — „Это стоит!" Можно подумать, что наука роковым образом идет по тому пути, по которому уже шел язык.

Мировой закон Лоренца говорит, что тело сплющивается в направлении поперечном давлению. Но этот закон и есть содержание „простого имени" Л; значит ли Л — имя, лямку, лопасть, лист дерева, лыжу, лодку, лапу, лужу, ливня, луг, лежанку, везде силовой луч движения разливается по широкой поперечной лучу поверхности,— до равновесия силового луча, с противосилами. Расширившись в поперечной площади весовой луч делается легким и не падает. Будет ли этот силовой луч весом моряка, лыжебежца, тяжестью судна на груди бурлака или путем капли ливня, переходящей в плоскость лужи. Знал ли язык про поперечное колебание луча? (лучи, вих)? Знал ли что

R делается $R\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}$, где v — скорость тела, c — скорость света.

Повидимому язык так же мудр, как и природа и мы только с ростом науки учимся читать его. Иногда он может служить для решения отвлеченных задач. Так попытаемся с помощью языка измерить длину волн добра и зла. Мудростью языка давно уже вскрыта световая природа мира. Его „я" совпадает с жизнью света. Сквозь нравы сквозит огонь. Человек живет на „белом свете" с его предельной скоростью 300.000 килом. и мечтает о „том свете" со скоростью большей скорости света? Мудрость языка шла впереди мудрости наук. Вот два столбца где языком рассказана световая природа нравов, а

человек понят, как световое явление; здесь человек часть световой области.

«Тот свет»	«Начало относительности».
Тело, туша,	Тень
тухнуть в смысле разложения тела	Тухнуть в смысле исчезания огня
Воскресать	Кресало и огниво
Дело, душа	День
Молодость, молодец	Молния
Грозный	Гроза
Солодка, сладость	Солнце, (солния).
Сой, семья, сын, семя	Сиять, солнце
Темя, тыл, тело	Тиять
Черти	Черный цвет
Мерзость	Мерзнуть
Стыд	Стужа
Холостой	Холод
Жить	Жечь
Пекло место грешников	Печь
Пылкий	Пламя
Горе	Горсть
Грех	Гореть, греть
Ясный ум	Яски (звезды)
Ярость	Яркое пламя
Искренный	Искра
Святой «светик»	Свет
Злой	Зола.

Если свет есть один из видов молнии, то этими двумя столбцами рассказана молнийно световая природа человека, а следовательно нравственного мира. Еще немного и мы построим уравнение отвлеченных задач нравственности, исходя из того, что начало „греха“ лежит на черном и горячем конце света, а начало добра на светлом и холодном. Черные черти—боги пекла, где души грешников не есть ли они волны невидимого теплого света.

Итак в этом примере языкознание идет впереди естественных наук и пытается измерить нравственный мир, сделав его главой ученья о луче.

Если мы имеем пару таких слов, как двор и твор и знаем о слове дворяне, мы можем построить слово творяне—Творцы жизни. Или, если мы знаем слово землероб; мы можем создать слово времяпахорь, времяроб, т.-е. назвать прямым словом людей так же возделывающих свое время, как земледелец свою почву. Возьмем такие слова миропахарь, или право, или правда, или правительство, Вы замечаете, как здесь, заменой п буквой н, мы перешли из области глагола править в область владений нравиться.

Также возможны слова нравитель, нравительство здесь мы п заменили буквой н. Слову боец мы можем поствоить поец, ноец, моец. Именам рек Днепр и Днестр—поток с порогами и быстрый поток—можем построить Мнепр и Мнестр (Петников) быстро струящийся дух личного сознания и струящийся через преграды „пр“, красивое слово Гнестр—быстрая гибель; или волестр: народный волестр, или огнепр и огнестр, Снепр и Снестр от сна, сниться. Мне снился снестр.... Есть слово я и есть слово во мне, меня. Здесь мы можем возродить Мои—разум, от которого исходит слово. Слову вервие мыслимо мервие и мервый, умирающий; немервый бессмертный. Слово князь дает право на жизнь мнязь мыслитель и лиязь и днязь. Звук похожий на звук. Звач тот, кто зовет. Нравительство, которое хотело бы опереться только, на то, что оно нравится, могло бы себя назвать нравительством. Нравда и правда. Слову ветер отвечает петер от глагола петь, это ветра ласковый петер... Слову земец соответствует темец. И обратно земена земьянин, земеса слово бритва дает

право построить мритва, орудие смерти. Мы говорим: он хитер. Но мы можем говорить: он битер. Опираясь на слово бивень, можем сказать хивень. Хивень полей, колос... Возьмем слово лебедь. Это звукопись. Длинная шея лебедя напоминает путь падающей воды; широкие крылья—воду, разлившуюся по озеру. Глагол лить дает лебу—проливаемую воду, а конец слова ядь напоминает черный и чернядь. (Название одного вида уток). Стало быть мы можем построить небеди, небяжеский. В этот вечер за лесом летела чета небедей. Вы помните какую иногда свободу от данного мира дает опечатка. Такая опечатка, рожденная несознанной волей наборщика, вдруг дает смысл целой вещи и есть один из видов соборного творчества и поэтому может быть приветствуема как желанная помощь художнику. Слово цветы позволяет построить мветы, сильное неожиданностью. Моложава, моложавый дает слова хорошава, „хорошава весны“, эта осень опять холожава. Праздник, мороздa: мраздник. Если есть звезды, могут быть мнезды. И мнезды меня озаряют. Чудо и чудеса дает слова худеса, времеса, судеса инеса. Но врачесо замирной воли... и инеса седых времен и тихеса—в них тонет поле—и собеса моих имен. Так инесо вторгалось в трудеса. Полон строит молом. Подобно слову лихачи воины могут иметь имя: мечачи. Трудавец, груздь, трусть. Словотворчество враг книжного окаменения языка и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем. Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи. Словотворчество не нарушает законов языка. Другой путь словотворчества—

внутреннее склонение слов. Если современный человек населяет обезлюдевшие воды рек тучами рыб, то языководство дает право населить новой жизнью, вымершими или несуществующими словами, оскудевшие волны языка. Верим они снова заигривают жизнью, как в первые дни творения.

§ 2. Заумный язык.

Значение слов естественного, бытового языка нам понятно. Как мальчик во время игры может вообразить, что тот стул, на котором он сидит, есть настоящий кровный конь, и стул на время игры заменит ему коня, так и во время устной и письменной речи маленькое слово солнце в условном мире людского разговора, заменит прекрасную, величественную звезду. Замененное словесной игрушкой, величественное, спокойно сияющее светило, охотно соглашается на дательный и родительный падежи, примененные к его наместнику в языке. Но это равенство условно: если настоящее исчезнет, а останется только слово солнце, то ведь оно не сможет сиять на небе и согревать землю, земля замерзнет, обратится в снежок в кулак мирового пространства. Также, играя в куклы, ребенок может искренне заливаться слезами, когда его комок тряпок умирает, смертельно болен; устраивать свадьбу двух собраний тряпок совершенно неотличимых друг от друга, в лучшем случае с плоскими тупыми концами головы. Во время игры эти тряпочки—живые, настоящие люди, с сердцем и страстями. Отсюда понимание языка, как игры в куклы; в ней из тряпочек звука сшиты куклы для всех вещей мира. Люди говорящие на одном языке, участники этой игры. Для людей говорящих на другом языке, такие звуковые куклы просто со-

брание звуковых тряпочек. Итак, слово звуковая кукла, словарь—собрание игрушек. Но язык естественно развивался из немногих основных единиц азбуки; согласные и гласные звуки были струнами этой игры в звуковые куклы. А если брать сочетания этих звуков в вольном порядке, напр., бобэобп, или дыр бул щел, или манчь! манчь! чи брео зо! то такие слова не принадлежат ни к какому языку, но в то же время что-то говорят что-то неуловимое, но все-таки существующие. Если звуковая кукла „солнце" позволяет в нашей человеческой игре дергать за уши и усы великолепную звезду руками жалких смертных, всякими дательными падежами, на которые никогда бы не согласилось настоящее солнце, то те же тряпочки слов все-таки не дают куклы солнца. Но все-таки это те же тряпочки, и как таковые они что-то значат. Но так как прямо они ничего не дают сознанию, (негодятся для игры в куклы) то эти свободные сочетания, игра голоса вне слов, названы заумным языком. Заумный язык значит находящийся за пределами разума. Сравни „Заречие"—место лежащие за рекой. „Задонщина"—за Доном, то, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь на-ряду с разумным. Но есть путь сделать заумный язык разумным.

Если взять одно слово допустим чашка, то мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать все слова с первым звуком Ч, (чаша, череп, чан, чулок и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат и то общее значение, какое есть у этих слов и будет значением Ч. Сравнивая эти слова на Ч, мы видим, что все они значат одно те-

ло в оболочке другого; Ч—значит оболочка. И таким образом заумный язык перестает быть заумным. Он делается игрой на осознанной нами азбуке—новым искусством, у порога которого мы стоим.

Заумный язык исходит из двух предпосылок:

1. Первая согласная простого слова управляет всем словом—приказывает остальным.

2. Слова, начатые одной и той же согласной, об'единяются одним и тем же понятием и как бы летят с разных сторон в одну и ту же точку рассудка. Если взять слова чаша и чоботы, то обоими словами правит, приказывает звук Ч, если собрать слова на Ч: чулок, чоботы, черевики, чувьяк, чуни, чупики, чехол, и чаша, чара, чан, челнок, череп, чахотка, чучело, то видим, что все эти слова встречаются в точке следующего образа. Будет ли это чулок или чаша, в обоих случаях об'ем одного тела (ноги или воды) пополняет пустоту другого тела, служащего ему поверхностью. Отсюда чара, как волшебная оболочка, сковывающая волю очарованного—воду по отношению чары, отсюда чаять, т.-е. быть чашей для вод будущего. Таким образом Ч есть не только звук, ч—есть имя неделимое тело языка. Если окажется что Ч во всех языках имеет одно и то же значение, то решен вопрос о мировом языке, все виды обуви будут называться че ноги, все виды чашек—че воды—ясно и просто. Во всяком случае хата значит хата не только по-русски, но и по египетски „в" в индоевропейских языках означает вращение. Опираясь на слова хата, хижина, халупа, хутор, храм, хранилище, мы видим, что значение—черта преграды между точкой и движущейся к ней другой точкой. Значение в вращении одной точки около другой неподвижной. Отсюда вир, вол, ворот вью-

га, вихрь и много других слов. М деление одной величины на бесконечно малые части. Значение Л переход тела вытянутого вдоль оси движения, в тело вытянутое в двух измерениях поперечных пути движения. Например площадь лужи и капля ливня, лодка, лямка. Значение Ш слияние поверхностей, уничтожение границ между ними. Значение К неподвижная точка, прикрепляющая сеть подвижных. Таким образом заумный язык есть грядущий мировой язык в зародыше. Только он может соединить людей. Умные языки уже раз'единяют.

Утверждение Азбуки.

Слова на Л: лодка, лыжи, ладья, ладонь, лапа, лист, лопух, лопасть, лепесток, ласты, лямка, искусство лета, луч, лог, лежанка, проливать, лить... Возьмем пловца на лодке: его вес распределяется на широкую поверхность лодки. Точка приложения силы разливается на широкую площадь и тяжесть делается тем слабее, чем шире эта площадь. Пловец делается легким. Поэтому Л можно определить как уменьшение силы в каждой данной точке, вызванное ростом поля ее приложения. Падающее тело останавливается, опираясь на достаточно большую поверхность. В общественном строе такому сдвигу отвечает сдвиг от думской России к советской России, так как новым строем вес власти разлит на несравненно более широкую площадь носителей власти: пловец государство на лодку широкого народовластья. И так каждый согласный звук скрывает за собой некоторый образ и есть имя. Что же касается гласных звуков, то относительно О и Ы можно сказать что стрелки их значений направлены в разные стороны и они дают словам обратные значения (войти и выйти, сой—род и сый—особь, неделимое

мое; бо — причина и бы — желание, свободная воля). Но гласные звуки менее изучены чем согласные.

§ 3. Математическое понимание истории Гамма Будетлянина.

Мы знаем про гаммы индусскую, китайскую, эллинскую. Присущее каждому из этих народов свое понимание звуковой красоты особым звукорядом соединяет колебание струн. Все же богом каждого звукоряда было число. Гамма будетлян особым звукорядом соединяет и великие колебания человечества, вызывающие войны, и удары отдельного человеческого сердца. Если понимать все человечество как струну, то более настойчивое изучение даст время в 317 лет между двумя ударами струны. Чтобы определить это время удобен способ изучения подобных точек. Перелистаем страницы прошлого. Мы увидим, что законы Наполеона вышли в свет через 317. 4 после законов Юстиниана — 533 год. Что две империи Германская 1871 г. и Римская, — 31 г. основаны через 317. 6 одна после другой. Борьба за господство на море, острова суши, Англии и Германии в 1915 году за 317. 2 до себя имела великую войну Китая и Японии при Кублай-Хане в 1281 году. Русско-Японская война 1905 г. была через 317 лет после Англо-Испанской войны 1588 г. Великое переселение народов в 376 году за 317. 11 до себя имело переселение индусских народов в 3111 году (эра Кали-Юга). Итак, 317 лет, не призрак выдуманный больным воображением и не бред, но такая же весомость, как год, сутки земли, сутки солнца. Гамма состоит из следующих звеньев: 317 дней, сутки, 237 секунд, шаг пехотинца или удар сердца, равный ему во времени, одно колебание струны А и колебание самого

низкого звука азбуки—У. Пехотинец Германской пехоты по военному уставу должен делать 81 или 80 шагов в минуту. Следовательно, в сутки он сделает 365.317 шагов, т.-е. столько шагов, сколько суток содержится в 317 годах—времени одного удара струны человечества. Столько же делает ударов среднее женское сердце. Разделив это время одного шага на 317 частей получим 424 колебания в секунду, т.-е. одно колебание струны А. Эта струна есть как бы ось звучащего искусства. Приняв средний удар мужского сердца в 70 ударов в секунду, и допустив, что этот удар есть год, которому нужно найти день, находим день в колебании той же струны А, в среднем ударе мужского сердца оно содержится 365 раз. Эта гамма сковывает в один звукоряд войны, года, сутки, шаги, удары сердца, т.-е. вводит нас великое звуковое искусство будущего. Струна А в средневековом немецком строе и французском несколько не совпадает, но это не меняет положения дела. Звук У по исследованиям Щербины делает 432 колебания в секунду. Если взять ряд 133.225 лет для колебаний материков, понимаемых как плоские струны, 317 лет для колебаний струны войн, года 317 дней для жизни памяти и чувств суток, 237 секунд, $^{1}/_{80}$ и $^{1}/_{70}$ части минуты, и $^{1}/_{429}$ и $^{1}/_{426}$ части секунды, то перед нами будет цепь времен, a, a_2, a_3, a_4..... a n-i, a n, связанных по такому закону an в 365 или в 317 раз менее an-l. Этот ряд убывающих времен и есть гамма будетлянина. Вообразите парня с острым беспокойным взглядом в руках у него что-то вроде балааайки со струнами. Он играет. Звучание одной струны вызывает сдвиги человечества через 317. Звучание другой шаги и удары сердца, третья главная ось звукового мира. Перед Вами будетлянин со своей „балалайкой“. На

ней прикованный к струнам, трепещет призрак человечества. А будетлянин играет: и ему кажется, что вражду стран можно заменить ворожбой струн.

Когда наука измерила волны света, изучила их при свете чисел, стало возможным управление ходом лучей. Эти зеркала приближают к письменному столу вид отдаленной звезды, дают доступные для зрения размеры безконечно малым вещам, прежде невидимым и делают из людей по отношению к миру отдельной волны луча полновластных божеств. Допустим, что волна света населена разумными существами, обладающими своим правительством, законами и даже пророками. Не будет ли для них ученый—прибором зеркал правящий уходом волн, казаться всемогущим божеством. Если на такой волне найдутся свои пророки, они будут прославлять могущество ученого и льстить ему: „Ты ухнешь и двигнешь океаны, речешь и вспять они текут"; будут грустить, что это им недоступно. Теперь, изучив огромные лучи человеческой судьбы, волны которой населены людьми, а один удар длится столетия, человеческая мысль надеется применить и к ним зеркальные приемы управления, построить власть, состоящую из двояко выпуклых и вогнутых стекол. Можно думать, что столетние колебания нашего великанского луча будут также послушны ученому, как и бесконечно малые волны светового луча. Тогда люди сразу будут и народом населяющим волну луча, и ученым управляющим ходом этих лучей, изменяя их путь по произволу. Конечно, это задача грядущего времени. Наша задача только указать на закономерность человеческой судьбы, дай ей умственное очертание луча и измерить во времени и пространстве. Это делается для того, чтобы перенести законодательство на

письменный стол ученого, а рухнувшее дерево тысячелетнего римского права заменить уравнениями и числовыми законами учения о движениях луча. Нужно помнить, что человек в конце-концов молния, что существует большая молния человеческого рода—и молния земного шара. Удивительно ли, что народы, даже не зная друг друга, связаны один с другим точными законами.

Например, есть закон рождений подобных людей. Он гласит, что луч, гребни волн которого отмечены годом рождения великих людей с одинаковой судьбой, совершает одно свое колебание в 365 лет, так, если Кеплер родился в 1571 году, и его жизнь посвященная доказательству вращения земли около солнца, в целом была высшей точкой европейской мысли, за ряд столетий, то за 365.3 до него в 476 году родился „Вершина Индусской мысли" Арнабхатта, провозгласивший в стране иогов тоже самое вращение земли. Во времена Коперника смутно знали про Индию и если бы люди не были молниями, закономерно связанными друг с другом, было бы удивительно это рождение Кеплера с тем же самым жизненным заданием, что и у Арнабхатты через закономерный срок. Так же величайший логик Греции Аристотель, попытавшийся дать законы правильного разума, искусства рассуждать, родился в 384 году за 365.6 до Джона Стюарта Милля в 1804 году. Милль величайший логик Европы собственно Англии. Или возьмем имена Эсхила, Магомета, (сборник стихов: Коран) Фирдуси, Гафиза. Это великие поэты Греков, Арабов и Персов, один из тех людей, которые рождаются только раз на всем протяжении судьбы данного народа. Это летучий голландец одной и той же судьбы, в морях разных народов. Возьмите года их рождения:—525 до Рождества Христова, 571

после Р. Х. 935 и 1300 г.—4 точки во времена, разделенные всплеском воды в 365 лет. Или мыслителей Фихте 1762 и Платон 428 за 365.6 лет до него, т.-е. за шесть ударов рока. Или основатели классицизма Конфуций 551 до Р. Х. и Расин 1639 году, здесь связаны 6-ю мерами Франция и седой Китай: мы воображаем брезгливую улыбку Франции и ее „Фидоик: не любит Китая. Эти данные указывают на поверхностность понятия государства и народов. Точные законы свободно пересекают государства и не замечают их как рентгеновские лучи проходят через мышцы и дают отпечаток костей: они раздевают человечество от лохмотьев государства и дают другую ткань звездное небо.

Вместе с тем они дают предвидение будущего не с пеной на устах, как у древних пророков, а при помощи холодного умственного расчета. Сейчас, благодаря находке волны луча рождени, не шутя, можно сказать, что в таком-то году родится некоторый человек, скажем „некто“ с судьбой похожей на судьбу родившегося за 365 лет до него. Таким образом меняется и наше отношение к смерти: мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия. Вместе с тем происходит сдвиг в нашем отношении к времени: пусть время есть некоторый ряд точек а, в, с, д... т. До сих пор природу одной точки времени выводили из природы ее ближайшей соседки. За мышлением этого вида было спрятано действие вычитания; говорилось точка а и в подобны, если а—в возможно более близко к нулю. Новое отношение к времени выводит на первое место действие деления и говорит, что дальние точки могут быть более тождественны, чем две соседние, и что

пара точек т и п тогда подобны, если т—п делится без остатка на у; в законе рождений у=365 годам, в лице войн у=365—48=317 годам; начала государств кратны 413 годам, т.-е. 365+48; так начало России в 862 году через 413 после начала Англии, 449 год; начало Франции 486 через после начала Рима в 753 году. Этим понятием время необыкновенно сближается с природой чисел, т.-е. с миром прерывных разорванных величин. Мы начинаем понимать время, как отвлеченную задачу деления при свете земной обстановки. Точное изучение времени приводит к раздвоению человечества, так как собрание свойств, приписывавшихся раньше божеством достигается изучением самого себя, а такое изучение и есть ничто иное, как человечество верующее в человечество.

Изумительно, что и человек как таковой носит на себе печать того самого счета. Если Петрарка написал в честь Лауры 317 сонетов, а число судов во флоте часто равно 318, то и тело человека содержит в себе 317.2 мышц—634, 317 пар. Костей в человеке 48.5=240, поверхность кровяного шарика равна поверхности земного шара, деленной на 365 в десятой степени.

1. Стекла и чечевицы, изменяющие лучи судьбы,—грядущий удел человечества. Мы должны раздвоиться быть и ученым, руководящим лучами и племенем населяющим волны луча, подвластного воле ученого.

2. По мере того, как обнажаются лучи судьбы исчезает понятие народов и государств и остается единое человечество, все точки которого закономерно связаны.

3. Пусть человек, отдохнув от станка, идет читать клинопись созвездий. Понять волю звезд, это значит

развернуть перед глазами всех свиток истиной свободы. Они висят над нами, слишком черной ночью, эти доски грядущих законов и не в том ли состоит путь деления, чтобы избавиться от проволоки правительств между вечными звездами и слухом человечества. Пусть власть звезд будет безпроволочной.

Один из путей—Гамма Будетлянина, одним концом волнующая небо, а другим скрывающаяся в ударах сердца.

„Лирень“.

Николай Асеев и Григорий Петников. Леторей рис. Синяковой. М. 1915.

Божидар. Бубен. М. 1914. Автолитографии.

Божидар. Бубен. Изд. второе.

Новалис. Фрагменты в переводе Г. Петникова. М. 1914.

Новалис. Цветень, в переводе Г. Петникова.

В. Хлебников. Ошибка смерти. М. 1917.

Т. Чурилин. Льву-барс; вторая книга стихов. М. 1918.

Григ. Петников. Быт Побегов. М. 1918.

« » Поросль Солнца. М. 1918. Рис. Синяковой.

« » Книга-Марии Зажги Снега. Петербург. 1920.

Борис Пастернак. Квинтэссенции. Кн. стихов (готов. к печати).

Николай Асеев. Война. Словопредставление (готов. к печати).

Т. Чурилин. Конец Кикапу. Повесть. М. 1918.

„Лирень“, сборник.

В. Перцов. Поэты и школы. Статьи (готов. к печати).